

Анисимова Л. Ю. Зарубежная историография о гендерных отношениях в России в 20—30-е гг. XX в. / Л. Ю. Анисимова // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 221—231.

УДК 930(420+73)“1920/1939”+94(470)“1917/1936”:314.5

Зарубежная историография о гендерных отношениях в России в 20—30-е гг. XX в.

© **Анисимова Лариса Юльевна (2015)**, кандидат исторических наук, кафедра теории и методики социальной работы, ФГБОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Россия), severyanova@mail.ru.

Представлен анализ зарубежной историографии, посвященной гендерным отношениям в РСФСР и СССР в 1917—1936 гг. Отмечается, что немецкая и французская литература по данной проблематике обстоятельно проанализирована А. М. Пушкаревым. Автор статьи ограничил анализ в основном англо-американской историографией 20—30-х гг. XX века, затрагивающей вопросы взаимоотношений мужчин и женщин в Советской России в 1917—1936 гг. Определены политико-идеологические лагеря среди зарубежных исследователей по их отношению к гендерным изменениям в РСФСР и СССР рассматриваемого периода. Обозначены периоды взлёта и снижения интереса в зарубежной историографии к данной проблематике. Автор показывает, что у зарубежных исследователей были противоречивые суждения по поводу сексуального просвещения в Советской России. Одни высоко оценивали качество сексуального образования, доступного для советской молодежи. Другие утверждали противоположное, отмечали, что в стране вопросы отношений между мужчиной и женщиной, брака и семьи не освещались в литературе, замалчивались. Автор заключает, что западных исследователей, высказавших свои оценки относительно гендерной политики большевистской власти, можно условно разбить на два лагеря — либерально-лояльный и консервативный.

Ключевые слова: «сексуальная революция»; гендерные отношения; революционное законодательство; либерализм; консерватизм.

1. Вводные замечания

С приходом к власти большевиков в октябре 1917 года в России начались социокультурные эксперименты, среди которых важное место занимал процесс трансформации семейных отношений. Однако преобразование межличностных отношений между мужчинами и женщинами до сих пор не получило однозначной оценки как в отечественной, так и в зарубежной исторической литературе [Anisimova et al., 2014].

В отечественной историографии немецкая и французская литература 20—30-х гг. XX века о гендерных взаимоотношениях в РСФСР и СССР в 1917 — середине 30-х гг. XX века подробно анализируется в исследовании А. М. Пушкарева [Пушкарев, 2008, с. 180]. В связи с тем, что А. М. Пушкарев не анализировал англо-американскую историографию 20—30-х гг. XX века о взаимоотношениях между мужчинами и женщинами в РСФСР и СССР в 1917

— середина 30-х гг. XX века, мы решили восполнить пробел в отечественной историографии по данной проблеме.

После провозглашения в РСФСР равенства полов эта проблема стала предметом пристального внимания американских и европейских ученых. В те годы в зарубежной историографии большое внимание уделялось изучению дореволюционного опыта Российской империи. Среди немногочисленных исследователей особый вклад внесли эмигранты.

Тема секса находилась в центре внимания в работах врачей, социологов, писателей и публицистов, которые, как и до революции, изучали широкий круг вопросов, связанных с сексуальным поведением, отношением к семье и браку, отношениями между мужчинами и женщинами, но уже в стране Советов. Отметим, что «сексуальный вопрос» в дореволюционной российской культуре был ограничен рамками эстетики, морали и религии и никогда не переводился на уровень политики так, как это вошло в повседневную теорию и практику в РСФСР и СССР в 1917 году — середине 30-х гг. XX века.

2. К понятию «сексуальная революция»

В зарубежной литературе дискутировалась проблема: была ли сексуальная революция в РСФСР в 1917—1930 гг.? Явилась ли сексуальная культура продолжением традиционной, «подлинно» русской сексуальной ценностью или ее отрицанием? По мнению А. М. Пушкарева, книга марксистского аналитика В. Райха «The Sexual Revolution» (1936 г.) «имела большое значение для признания сексуальности частью культурной традиции» россиян [Пушкарев, 2008, с. 181].

Сексуальная же революция до сих пор понятийно четко не определена. Тот же В. Райх заложил основу для понимания сексуальности, её значения для физического, психологического здоровья и социального функционирования. Для него понятие «сексуальная революция» служило исходным для того, чтобы прийти к выводу о том, что политическая революция будет возможна при условии свержения сексуальных репрессий. Но последнее, по мнению Райха, являлось препятствием, которое дискредитировало усилия большевиков. По Райху, сексуальная революция — это процесс и результат коренных изменений в сексуальной жизни общества, характеризующихся преобразованиями сексуальных ценностей, ориентаций, норм, санкций и сексуальных отношений, раскрепощающими личность и общество, нивелирующими общественные моральные нормы, состоящие в целомудрии, запрете секса вне брака и др. [Райх, 1997].

Американский социолог и культуролог, эмигрант П. Сорокин в своей работе «Американская сексуальная революция» (1957) утверждал, что «на российскую землю сексуальная революция приходит в XX веке второй раз»: «Впервые в начале XX века, еще до революционных переворотов, она нашла свое выражение в росте сексуальной свободы и распушенности <...> После октября (1917 года. — Л. А.) сексуальная революция получила идеологиче-

ское признание и государственную поддержку в виде чрезвычайной свободы и легкости заключения браков и оформления разводов, легализации аборттов» [Сорокин, 2006, с. 14].

Ещё до революции 1917 года П. Сорокин выделил характерные признаки «сексуальной революции»: рост сексуальной свободы и распушенности; свобода и легкость заключения браков и оформления разводов; легализация аборттов; рост числа разводов, распадов семьи; увеличение бездетных семей; сексуализация культуры. Ученый пришел к выводу, что «сексуальная революция» меняет содержание таких важных фундаментальных институтов общества, как брак и семья, рождаемость и смертность, нравственные устои общества [Сорокин, 2006, с. 14].

На наш взгляд, он очень точно определил признаки «сексуальной революции». Они составляют основу методики, используемой для исследования гендерных отношений в РСФСР и СССР в рассматриваемый период, выделения в государственной политике этапов и периодов.

3. Гендерная политика в зарубежной историографии

Зарубежные исследователи неоднозначно восприняли Декреты в РСФСР 1917—1920 гг., Кодексы, включая документ 1926 года. Одни выражали симпатии революционному законотворчеству тех лет, считали, что целью большевиков в 1917 году была не тирания, а «полная свобода». У других законодательная революция в области взаимоотношении полов и намерения большевиков распространить их опыт в этой социальной сфере за пределы России вызывали страх и тревогу, что особенно было характерно для американских исследователей.

По мнению А. М. Пушкарева, первыми появились статьи немецких ученых. В те годы наиболее часто обсуждаемыми (помимо общей темы — «Сексуальная реформа в России») были темы «Половая этика большевизма», «Сексуальная гигиена революционного времени» [Пушкарев, 2008, с. 176—177]. Однако подобное было и в Англии, и в США. Эмигрант-публицист М. Хиндус считал, что социальная революция в Советской России вызвала шквал эмоций, неповиновение, заставила ненавидеть старый мир, буржуазные ценности. Борьба с сексуальной этикой старшего поколения была частью борьбы против старого образа жизни во всем мире, в том числе и в Советской России [Calverton, 1928; Hindus, 1929; Рассел, 2014].

В 20-е гг. XX века часть зарубежных исследователей рассматривали СССР как самую сексуально свободную страну в мире. Г. Маркузе считал, что «сексуальная революция» была продолжением потребительского капитализма. Поэтому она выработала лишь «репрессивную десублимацию» — мнимую свободу с постоянным подогреванием сексуальной активности, призванную отвлечь внимание от политической борьбы в обществе.

Следует особо отметить то, что в зарубежной историографии реформирование института семьи и брака в СССР в 20-е гг. XX века у консерваторов

вызывало тревогу и страх, так как это якобы предполагало в ближайшей перспективе полную отмену института семьи [Solomon, 1922; Calverton, 1928].

В 20-е гг. XX века в процессе ослабления семьи как социального института в России и странах Европы и Америки зарубежные исследователи искали способы адаптации мужчин и женщин к новым общественным реалиям. Для многих из них распад семьи был одной из фаз системной социальной революции, подрыва основ социальной и экономической жизни.

В. Калвертон, М. Хиндус считали, что у большевиков стремление разрушить семью, подобно религии и частной собственности, не было конкретным замыслом руководителей большевистской партии [Hindus, 1929, p. 101; Calverton, 1928]. По их мнению, против существования семьи выступала часть рядовых коммунистов, многие из которых, не имея реальной власти, открыто не высказывали своих взглядов [Hindus, 1929, p. 101]. «Жрецы же коммунизма» с одобрением относились к семье, считая, что она находится на стадии реорганизации, необходимой для поддержания социальной стабильности. С одной стороны, они не желали ускорять ее крах, с другой — не принимали мер, способствующих выживанию этого института. Такая двойственность и противоречивость идей в отношении к семье, как отмечал исследователь советской повседневной жизни, М. Хиндус, была присуща только Советской России.

Радикальные преобразования в области брачно-семейных отношений в стране Советов как раз и вызвали у англо-американских исследователей интерес к темам секса, целомудрия, нравственности и моральных норм. Так, например, американский писатель В. Калвертон исследовал значение секса в социальной жизни общества. По мнению автора, революция в морали, которая произошла в 20-е гг. XX века в странах Европы и в Советской России, явилась предвестником революции в социальной жизни. Он пришел к выводу, что в западном мире разрушение старой сексуальной морали носило бунтарский характер, а в РСФСР оно было революционным, в сексуальном поведении провозглашалась личная свобода. М. Хиндус считал, что в стране любовь и сексуальная жизнь были освобождены от стереотипных предрассудков и стали частным делом граждан [Hindus, 1929, p. 96]. Новая мораль выразилась в независимом положении женщин, новом законе о браке и разводе: брак был освобожден от религиозных обрядов, развод преобразован в «интеллектуальный механизм», стал доступен для всех граждан [Calverton, 1928]. В Советской России, как писал М. Хиндус, женщины получили возможность пользоваться сексуальной свободой наравне с мужчинами. Целомудрие перестало иметь смысл, считаться добродетелью [Hindus, 1929, p. 91]. Автор предостерегал, что такое пренебрежение целомудрием женщины может пагубно отразиться на российском обществе. По его мнению, человек, давший обет безбрачия, и человек целомудренный встречал ожесточенное презрение в России [Hindus, 1929, p. 89].

В. Беньямин (1927), В. Калвертон (1928) искали ответы на вопросы о том, было ли общественное целомудрие необходимым условием или побочным

продуктом революции; почему русские находились у опасной черты погружения в «животное болото»; о доступности русской женщины [Беньямин, 1927; Calverton, 1928]. М. Хиндус защищал русскую женщину: ее нелегко завоевать для сексуальной связи; она не легкомысленна в любовной жизни, но первые дни революции её дестабилизировали. Однако женщины быстро вернули себе психологическое и эмоциональное равновесие. М. Хиндус считал, что советские писатели, изображая в своих литературных произведениях бунт молодежи против любви, были достаточно осторожны в своих взглядах, касающихся форм сексуальной реализации мужчин. Женщины не были участницами «крестового похода» против любви, они не отказались от желаний идеализировать любовь и наслаждаться ею [Hindus, 1929].

Б. Рассел считал, что в Советской России в 20-е гг. XX века моральные нормы отношений между полами носили переходный характер, касались использования противозачаточных средств, стремления женщин к эмансипации, одобрения новой морали правительством [Рассел, 2014]. Зарубежные исследователи были поражены, что в Советской России отсутствовали запреты, религиозные ограничения в регулировании отношений полов, что проявлялось, по их мнению, в проведении совместных лекций для мужчин и женщин, независимо от деликатности темы, судов над мужьями, инфицировавших жен венерическими заболеваниями. М. Хиндус писал: «Для советских мужчин и женщин считалось нормальным навещать друг друга в любое время дня и ночи в квартирах или гостиницах, не думая о том, «что это может вызвать подозрение или упрек» [Hindus, 1929, p. 100—101]. В Англии в 20-е гг. XX века, например, существовал неписанный закон, согласно которому женщина, живущая в отеле, не могла принять своего знакомого в той «комнате, где она живет, спит, словом, где находится ее постель». Это считалось безнравственным. Женщина могла принять мужчину при условии, что во время визита дверь из ее комнаты в коридор оставалась открытой. Считалось, что это было заботой государства о морали своих граждан» [Левидов, 1926, с. 8].

Для зарубежной историографии XX века была характерна недооценка влияния Первой мировой войны на возникновение новой морали и нового быта. Так, например, «моральный хаос» В. Калвертон связывал с отсутствием уважения среди молодежи к идеалам своих предшественников, презрением к браку, добродетели, а не следствием мировой и гражданской войн [Calverton, 1928].

С развитием на Западе психологии и физиологии сексуальных отношений возникла необходимость в переоценке ценностей любви в результате девальвации традиций и обычаев, связанных с ней. Анализировались вопросы краха любви как доминировавшей ценности на западе. Авторы исходили из реальной картины тех лет и признавали тот факт, что любовь на Западе была низведена до физиологического акта. М. Хиндус считал, что это было равносильно признанию разрушения культурного наследия [Hindus, 1929, p. 119]. В качестве определяющего фактора краха любви зарубежные авторы называли сдвиг

в сторону гендерного равенства и говорили о необходимости лишения женщин тех свобод, которые они получили, для сохранения любви. Русских революционеров отличала вера в воскрешение любви [Там же, р. 123].

Во второй половине 20-х гг. XX века В. Беньямин в заметках об общественной и повседневной жизни (в произведении «Московский дневник») отмечал, что пренебрежение любовью и сексуальной жизнью являлось неотъемлемой частью коммунистического кредо [Беньямин, 1927]. В большевистской прессе замалчивались аспекты сексуальных взаимоотношений, формировался асексуальный образ нового человека [Carleton, 2005, р. 2]. «Коммунистам нужно строить новый мир. Для этого необходимо переключение эротической энергии на социально-строительную», — писал русский философ, эмигрант Ф. Степун [Степун, 1933, с. 12—28]. На первый план выходили псевдобиологические аргументы — растрата «половой энергии» истощала жизненные силы организма, которые следовало употребить на что-то общественно полезное. Поэтому любовь со всеми ее трудностями и сложностями должна была быть уничтожена. «В качестве способов уничтожения предлагались самые разные средства: устройство государственных домов свиданий (не имеющих, конечно, ничего общего с буржуазными домами терпимости), где молодые здоровые советские люди могли бы знакомиться и плодиться во славу социализма» [Степун, 1933, с. 21].

У зарубежных исследователей были противоречивые суждения по поводу сексуального просвещения в Советской России. В 1928 году американский писатель Т. Драйзер после посещения СССР писал: «Все были впечатлены качеством сексуального образования, доступного для молодежи. Брошюры, книги, лекции и фильмы открыто и честно рассказывали о беременности, контроле над рождаемостью, венерических заболеваниях и перинатальной помощи» [Драйзер, 1932, с. 253—265]. Казалось, никакой вопрос не пленил молодежь, вдохновенную обещаниями о создании нового общества, так, как сексуальный вопрос. Они писали письма в газеты и журналы, стояли в очередях, чтобы попасть в библиотеки [Carleton, 2005, р. 2]. В. Райх утверждал противоположное. Он считал, что в стране вопросы отношений между мужчиной и женщиной, брака и семьи не освещались в литературе, замалчивались. Его точку зрения разделял немецкий философ В. Беньямин. По его мнению, тема любви и секса не находила отражение в сфере искусства: «Изображение в кино или театре трагической любовной интриги было бы расценено как контрреволюционная пропаганда» [Беньямин, 1997, с. 80—81]. М. Хиндус не разделял взгляды В. Беньямина. «В новой литературе, — писал он, — ни один из вопросов (помимо революции) так пристально не рассматривался, как секс» [Hindus, 1929, р. 85—95].

В 1924—1925 гг. старшее поколение коммунистов осудило молодежь и комсомольцев за «свободу нравов». В частности, студенты обвинялись в том, что предавались разгулу, вели беспутный образ жизни, а часть комсомольцев считали отказ вступить во временные сексуальные отношения буржуазным

предрассудком и самым страшным грехом. Часть комсомольских организаций зашли так далеко, что стали организовывать кружки «Долой Позор» и «Долой невинность». Подобные явления были резко осуждены в официальном отчете о деятельности комсомола на XIV съезде ВКП(б) (18—31 декабря 1925 г.) [The Russian Effort..., 1926, p. 108—114]. Одну из причин «сексуальной вседозволенности молодежи» зарубежные исследователи видели в отсутствии рычагов ограничения: у них не было «ни Бога, ни родителей, ни учителей, ни общественного мнения» [Hindus, 1929, p. 95; The Russian Effort..., 1926, p. 108—114]. М. Хиндус обвинял большевистскую власть в том, что она насильственно «погрязла» молодежь в новую половую мораль [Hindus, 1929, p. 95].

Пропаганда новых взаимоотношений между полами была в основном направлена на городскую рабочую молодежь и студенчество. С наступлением некоторой политической и экономической стабильности в конце 20-х гг. XX века отрицание старого буржуазного мира дало возможность переоценить ценности, и волна буйных настроений молодежи пошла на убыль. Мораль стала отождествляться с партийно-государственной целесообразностью. Коммунисты отрицали аскетизм, требовали подчинения личной жизни интересам классовой борьбы пролетариата: «Быть коммунистом в государстве, где господствует пролетариат, значит полностью отказаться от личной независимости. Задача организации собственной жизни <...> уступается партии» [Carleton, 2005, p. 2—5].

Следует подчеркнуть, что в западной литературе изучение сексуальных отношений проходило безотносительно рассмотрения исторических перспектив и не подтверждалось научными выводами. Исключением являлась работа М. Хиндус («Humanity Uprooted», 1929), в которой автор попытался представить последствия свободы сексуального поведения. Он считал, что если бы сексуальная революция привела к меньшей беспорядочности в половых связях, распушенности, то результатом стало бы появление новой формы моногамии и нравственности. Если же сексуальная революция будет развиваться в направлении полигамии, «то без сомнения, русские будут обуздывать свободу личности в вопросах секса» и будут вводить «дисциплинированность», «социальную цензуру» и «общественный контроль».

Немецкие и английские публикации на рубеже 1920—1930-х гг. касались российской деревни, где столкновение «старого» и «нового» в сексуальной сфере оказывалось не менее болезненным, чем в обществе в целом [Пушкарев, 2008, с. 179; Hindus, 1929, p. 155—165]. М. Хиндус подчеркивал, что крестьянин конца 20-х гг. XX века, гедонист и материалист, хотел насладиться «плодами революции», которые были красноречиво обещаны ему советским правительством. Пуританское отношение к сексу «вряд ли было частью русского сознания». Особенно это верно в отношении крестьян. Позже в своем исследовании автор противоречит себе, приписывая крестьянину (мужчине и женщине) пуританские взгляды. Крестьяне никогда не были откровенны на сексуальную тему, но были заинтересованы во внебрачном целомудрии жен-

щин. По его мнению, нравственные нормы более укрепились в городской среде, нежели среди крестьянства [Hindus, 1929, p. 87—90; 155—165].

Немецкие историки особенно старались избегать критики коммунистического прошлого. Немецкая исследовательница Ф. Халле «восхваляла антиэротизм ранней революционности». В первой половине

30-х гг. XX века она «воспевала советскую идеологию вместо того, чтобы объяснить, какие неоднозначные и даже катастрофические последствия имели законы Советской власти» [Пушкарев, 2008, с. 179; Halle, 1938].

В 30-е гг. XX века сократилось количество работ, посвященных изучению проблем женщин, аборт, контроля рождаемости [Kingsbury et al., 1935; Field, 1932; Halle, 1938; Newsholme et al., 1933]. В частности, зарубежные исследователи критиковали советских коллег за предоставление неточных статистических данных об уровне материнской смертности от последствий аборта [Newsholme et al., 1933].

4. Заключение

В 20-е гг. XX века зарубежные исследователи считали, что политика того времени в области сексуальных отношений и сексуального просвещения в стране Советов не была репрессивной. В Советской России произошел мощный откат к тенденциям консервативного регулирования сексуальных отношений в 30-е гг. XX века [Райх, 1997, с. 99—105], а интерес к половой проблематике стал угасать, чему способствовала сталинская идеология режима [Stern, 1981, p. 8]. В эти годы лишь ученые в Дании активно обсуждали на страницах своих изданий истоки и результат попыток перестройки сексуальной сферы в СССР в 20-е гг. XX века [Пушкарев, 2008, с. 181].

В конце 30-х гг. XX века все ссылки, касающиеся отношений между полами, были практически исключены из литературы, кино, театра и образования. Официальной доктриной стали моногамия для обоих полов, гетеросексуальность и осуждение секса вне брака [Heitlinger, 1979, p. 65].

Следует отметить синхронность появления и схожесть затронутой проблематики и выводов зарубежных исследований о гендерных отношениях в РСФСР и СССР в 1917—1936 гг. Среди исследователей можно выделить два идеологических политических лагеря с точки зрения их отношения к гендерной политике в стране Советов: либерально-лояльный и консервативный.

Литература

1. *Беньямин В.* Московский дневник = Moskauer Tagebuch / В. Беньямин. — Москва : Ad Marginem, 1997. — 224 с. — ISBN 5-88059-029-1.
2. *Драйзер Т.* Что я увидел в Советской России? / Т. Драйзер // Глазами иностранцев 1917—1932. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1932. — С. 253—265.
3. *Левидов М.* Занятия мистера Сумнера / М. Левидов // Смена. — 1926. — № 17. — С. 7—8.

4. *Пушкарев А. М.* Отношения между полами в общественных дискуссиях 1920-х годов в России (отечественная и зарубежная историография) : диссертация... кандидата исторических наук : 07.00.09 / А. М. Пушкарев. — Москва, 2008. — 295 с.

5. *Райх В.* Сексуальная революция : [пер. с нем. В. А. Брун-Цехового] / В. Райх ; общ. ред. и предисл. В. П. Наталенко. — Санкт-Петербург : Университетская книга ; Москва : АСТ, 1997. — 147 с.

6. *Рассел Б.* Брак и мораль [Электронный ресурс] / Б. Рассел. — Москва : АСТ, 2014. — Режим доступа : http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=290842. — ISBN 5-88059-029-1.

7. *Сорокин П. А.* Американская сексуальная революция / П. А. Сорокин. — Москва : Проект-Барьер, 2006. — 147 с.

8. *Степун Ф.* Любовь по Марксу / Ф. Степун // Новый Град. — 1933. — № 6. — С. 12—28.

9. *Anisimova L. U.* Transformation of Family Law in the First Third of the Twentieth Century / L. U. Anisimova, M. D. Severyanov // Journal of Siberian Federal University. Humanities&SocialSciences. — 2014. — No. 11 (7). — Pp. 1851—1859.

10. *Calverton V.* The Bankruptcy of Marriage / V. Calverton. — New York : The Macaulay Company, 1928. — 341 p.

11. *Carleton G.* Sexual Revolution in Bolshevick Russia / G. Carleton. — Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2005. — 288 p.

12. *Field A. W.* Protection of Women and Children in Soviet Russia / A. W. Field. — New York : E. P. Dutton and Company, Inc., 1932. — 241 p.

13. *Halle F. W.* Women in the Soviet East / F. W. Halle ; Translated from the German by Margaret M. Green. — London : Secker & Warburg, 1938. — xvii, 363 p.

14. *Heitlinger A.* Women and State Socialism [Electronic resource] / A. Heitlinger. — London : Macmillan Press, 1979. — 241 c. — Access mode : <https://ira.le.ac.uk/bitstream/2381/8854/3/1977heitlingeraphd.pdf>.

15. *Hindus M.* Humanity Uprooted [Electronic resource] / M. Hindus. — New York : Jonathan Cape and Harrison Smith, 1929. — Access mode : <http://www.unz.org/Pub/Hindus-Maurice-1931-00119?View=PDF>.

16. *Kingsbury S. M.* Factory, Family, and Women in the Soviet Union / S. M. Kingsbury, M. Fairchild. — New York : Puntam, 1935. — 365 p.

17. *Newsholme A.* Red Medicine : Socialized Health in Soviet Russia / A. Newsholme, J. A. Kingsbury. — Garden City, New York : Double Day, Doran & Company, 1933. — 324 p.

18. *Solomon S.* The Red War on the Family / S. Solomon. — New York, Washington : D. C. Press of J. J. Little & Ives Company, 1922. — Pp. 139—164.

19. *Stern M.* Sex in the Soviet Union / M. Stern, A. Stern. — Translated from the French by M. E. Heine. — London : W. H. Allen, 1981. — 224 p. — ISBN 978-0491027434.

20. *The Effort to Abolish Marriage* [Electronic resource] // The Atlantic Monthly. — July 1926. — Pp. 108—114. — Access mode : <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1926/07/the-russian-effort-to-abolish-marriage/306295/>.

Foreign Historiography on Gender Relations in Russia in 1920–1930-ies

© **Anisimova Larisa Yulyevna (2015)**, PhD in History, Department of Theory and Methodology of Social Work, Siberia Federal University (Krasnoyarsk, Russia), severyanova@mail.ru.

Analysis of the foreign historiography on gender relations in the RSFSR and the USSR in 1917—1936 is presented. It is noted that German and French literature on this subject was thoroughly analyzed by A. M. Pushkarev. The author has limited the analysis mainly by British and American historiography of the 1920—1930-ies, touching upon the issues on relations between men and women in Soviet Russia in 1917—1936. The political and ideological camps among foreign researchers according to their relation to gender changes in the RSFSR and the USSR of the period under consideration are determined. Periods of rise and decline of interest in foreign historiography to this problem are marked. The author shows that foreign researchers have the controversial views about sex education in Soviet Russia. Some appreciated the quality of sex education available to Soviet youth. Others have argued the opposite and noted that the relationship between a man and a woman, marriage and the family has not been reported in the literature, was suppressed in the country. The author concludes that Occidental researchers who expressed their estimates of the gender policy of the Bolshevik government can be divided into two camps — liberal-loyal and conservative.

Key words: "sexual revolution"; gender relations; revolutionary law; liberalism; conservatism.

References

- Anisimova, L. U., Severyanov, M. D. 2014. Transformation of Family Law in the First Third of the Twentieth Century. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 11 (7): 1851—1859.
- Benyamin, V. 1997. *Moskovskiy dnevnik = Moskauer Tagebuch*. Moskva: Ad Marginem. 224. ISBN 5-88059-029-1. (In Russ.).
- Calverton, V. 1928. *The Bankruptcy of Marriage*. New York: The Macaulay Company. 341.
- Carleton, G. 2005. *Sexual Revolution in Bolshevik Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 288.
- Drayzer, T. 1932. Chto ya uvidel v Sovetskoj Rossii? In: *Glazami inostrantsev 1917—1932*. Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 253—265. (In Russ.).
- Field, A. W. 1932. *Protection of Women and Children in Soviet Russia*. New York: E. P. Dutton and Company, Inc. 241.
- Halle, F. W. 1938. *Women in the Soviet East*. London: Secker & Warburg. xvii, 363.
- Heitlinger, A. 1979. *Women and State Socialism*. London: Macmillan Press. 241. Available at: <https://ira.le.ac.uk/bitstream/2381/8854/3/1977heitlingeraphd.pdf.txt>.
- Hindus, M. 1929. *Humanity Uprooted*. New York: Jonathan Cape and Harrison Smith. Available at: <http://www.unz.org/Pub/HindusMaurice-1931-00119?View=PDF>.
- Kingsbury, S. M., Fairchild, M. 1935. *Factory, Family, and Women in the Soviet Union*. New York: Puntam. 365.
- Levidov, M. 1926. Zanyatiya mistera Sumnera. *Smena*, 17: 7—8. (In Russ.).
- Newsholme, A. Kingsbury, J. A. 1933. *Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia*. Garden City, New York: Double Day, Doran & Company. 324.
- Pushkarev, A. M. 2008. *Omosheniya mezhdu polami v obshchestvennykh diskussiyakh 1920-kh godov v Rossii (otechestvennaya i zarubezhnaya istoriografiya)*: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk. Moskva. 295. (In Russ.).
- Raykh, V. 1997. *Seksualnaya revolyutsiya* [per. s nem. V. A. Brun-Tshekhovogo]. Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga; Moskva: AST. 147. (In Russ.).
- Rassel, B. 2014. *Brak i moral'*. Moskva: AST. Available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=290842. ISBN 5-88059-029-1. (In Russ.).
- Solomon, S. 1922. *The Red War on the Family*. New York, Washington: D. C. Press of J. J. Little & Ives Company. 139—164.

- Sorokin, P. A. 2006. *Amerikanskaya seksualnaya revolyutsiya*. Moskva: Proekt-Baryer. 147. (In Russ.).
- Stepun, F. 1933. Lyubov' po Marksu. *Novyy Grad*, 6: 12—28. (In Russ.).
- Stern, M., Stern, A. 1981. *Sex in the Soviet Union*. London: W. H. Allen. 224. ISBN 978-0491027434.
1926. The Effort to Abolish Marriage. *The Atlantic Monthly*, July: 108—114. Available at: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1926/07/the-russian-effort-to-abolish-marriage/306295/>.